

А. ШЮТЦ

НЕКОТОРЫЕ СТРУКТУРЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА*

Нижеследующие соображения касаются структуры того, что Гуссерль называет «жизненным миром» (*Lebenswelt*) (см. прим 1). В нем, руководствуясь естественной установкой, мы как люди среди других людей, обладающие культурой и социальностью, выбираем способ отношения к объектам социума и культуры, испытываем их влияние и действуем в соответствии с ними. Руководствуясь естественной установкой, мы принимаем как очевидное существование жизненного мира и типичу его составляющих, но только до тех пор, пока нам не открывается что-то новое. Как показал Гуссерль, наше мышление покоится на идеализациях типа «и так далее» и «я могу это сделать снова». Первое ведет к предположению, что все, что до данного момента обладало значением в нашем опыте, будет обладать им и в дальнейшем; второе — к допущению того, что все, что я до сих пор мог осуществлять в этом мире, действуя в соответствии с ним, я смогу снова и снова осуществлять и в будущем. Исходя из этого, мы можем говорить о тех фундаментальных допущениях, которые характеризуют естественную установку жизненного мира и которые сами по себе кажутся очевидными: об идее устойчивости строения мира, устойчивости значимости нашего опыта, устойчивости нашей способности (*Vermöglichkeit*) воздействовать на этот мир и взаимодействовать с ним.

Все то, что дано нам в качестве очевидного, в первом приближении можно назвать хорошо известным. В этом качестве оно есть та форма понимания, которая присутствует в естественной установке как мира, так и нас самих. Но она потому-то и относится к очевидному бесспорному,

* Перевод с английского выполнен А.Н. Портновым, М.А. Кукарцевой по изданию: *Schütz A. Some structures of the life-world // Schütz A. Collected papers. The Hague, 1966. Vol. 3.*

что в любой момент может быть поставлена под сомнение, как и все то, что мы рассматривали как нечто само собой разумеющееся, может в любой момент оказаться непонятным (*unverständlich*). Даже предпосылка устойчивости действует при следующих условиях: допущения, основанные на структуре мира, могут быть опровергнуты (*explodieren*) (см. прим. 2); то, что было значимым, может стать сомнительным; то, что казалось вполне достижимым (*vermöglich*), может вполне оказаться недостижимым. То, что принималось в качестве очевидного, превращается в проблему — теоретическую, практическую или эмоциональную, которая должна быть сформулирована, проанализирована и решена. Все проблемы возникают на фоне того, что первоначально было дано как очевидное, переживаемое без вопросов; именно здесь переживаемое и мыслимое нами подвергается сомнению (*fragwürdig*), и все пути решения возникающих таким образом проблем состоят в трансформации того, что стало доступным сомнению в нечто новое, что в свою очередь кажется очевидным. Сейчас то, что уже не подвергается сомнению и принимается в качестве вполне очевидного и привычного, имеет свои собственные открытия и горизонты как внутренние, так и внешние, через естественную установку данные нам как поддающиеся возможному исследованию. Чтобы решить проблему практического или же теоретического характера, возникающую из факта превращения очевидного в проблематичное, мы должны войти в ее горизонты и подвергнуть их экспликации. Как только мы овладеваем знанием, которое кажется нам достаточным для обратного превращения неясного в очевидное, мы прерываем этот бесконечный процесс и произвольным актом объявляем проблему решенной, а именно — способом, достаточным для наших целей. Каким же образом получается, что проблема вообще возникает, иными словами, почему именно то, что мы поставили под вопрос, превращается в предмет анализа? Что является релевантным для решения проблемы? В какой момент она начинает восприниматься нами как хорошо разрешенная с точки зрения наших целей, позволяющая нам прервать дальнейшие исследования?

Все эти вопросы и ведут к различным аспектам проблемы релевантности, некоторые из которых будут проанализированы ниже. Прежде всего, мы должны исследовать в сжатом виде некоторые фундаментальные структуры жизненного мира. Очевидность и «известность» ни в коем случае не есть нечто в себе однородное. Наше знание о них и наша способность (*Vermöglichkeit*) действовать в жизненном мире включают в себя несколько уровней.

Рассмотрим стратификацию жизненного мира в пространственно-временном аспекте. Здесь мы фиксируем в первую очередь такой уровень

жизненного мира, который находится в пределах непосредственной достижимости (через слух, зрение, предметное действие и т.д.). Это тот мир, который я воспринимаю либо непосредственно органами чувств, либо с помощью разнообразных инструментов; о котором я знаю, что он воздействует на меня непосредственно, и на который я сам могу воздействовать — с помощью инструментов или без них. Кроме того, я знаю о том мире, который ранее был в пределах моей достижимости, а теперь мне актуально недоступен. Здесь мы все же должны определить следующее: или мой опыт мира включает в себя вероятность того, что я могу в принципе вернуть этот мир в поле моего непосредственного действия, или же это невозможно. Если в пределах моих возможностей возродить мое прошлое поле действия путем возврата к той точке, из которой я начал свое движение, тогда, имея в виду идеализированные допущения типа «и так далее», «я снова могу это сделать», я принимаю как очевидное, что в рамках восстановленного поля действия я обнаружу принципиально тот же мир, с которым я имел дело прежде, когда он был в пределах достижимости. Возможно, что это будет тот же мир, но с модификациями типа «тот же, но чуть измененный». Третью зону образует тот участок мира, которого нет в пределах моего поля действия и которого не было там никогда, но который я могу туда заполучить. Эта зона также имеет свою особую степень «известности». Прежде всего, я полагаю очевидным, что структуры типичи этого мира такие же, что и в тех областях, которые непосредственно доступны моему опыту или были ему доступны. Во-вторых, здесь возникает проблема социального мира, а именно: я должен исходить из допущения, что мир в пределах вашего актуального или потенциального поля действия в принципе тот же, что и мир в пределах моего потенциального поля действия, хотя в силу моей биографической ситуации мой опыт мира будет отличаться от вашего соответственно в силу вашей биографической ситуации. Само разделение мира на зоны актуального, реконструируемого и потенциального поля действия уже соотносится со структурами жизненного мира в их связи с измерениями объективной темпоральности и их субъективными коррелятами, феноменами ретенции и протенции, воспоминаниями и ожиданиями, а также в соответствии со специфическими различиями в темпоральном опыте, которые в свою очередь соотнесены с разнообразными аспектами действительности. В настоящей работе мы не можем входить в детальный разбор этих весьма сложных проблем.

Несколько слов следует сказать о социальном структурировании мира. Социальный жизненный мир внутри нашего поля действия будем называть сферой непосредственного социального опыта, а субъектов,

включенных в него, — Другими. В этой сфере мы находимся вместе с Другими в некотором общем темпоральном пространстве; более того, мы разделяем с ними и определенный сектор в нашем общем поле действия. Таким образом, телесность другого находится внутри моего поля действия и наоборот. Эта центральная сфера окружена миром моих современников, которые сосуществуют со мной во времени, не находясь, тем не менее, со мной в обоюдном пространственном взаимодействии. Современники знают друг о друге, и знание это организовано типически, будучи при этом артикулировано весьма разнообразными способами, которые допускают все ступени завершенности и незавершенности, анонимности и личной отмеченности. Описание этого и должно составить задачу философской социологии. Независимо от реальной социальной дистанции, современники в принципе способны воздействовать друг на друга. Мир современников, конечно же, включает в себя регионы, состоящие из бывших партнеров, — они могут (или не могут, в зависимости от обстоятельств) снова стать моими партнерами, либо потенциальными партнерами. Кроме того, существует мир наших предшественников, которые воздействуют на нас, хотя сами находятся за пределами нашего воздействия, и мир наших преемников, на который мы так или иначе воздействуем, но который, естественно, не может воздействовать на нас. Первый из этих миров осознается нами как проблема, требующая интерпретации с помощью конкретных и специфических типификаций, последний в принципе есть область полной анонимности.

Все эти сферы мира относятся к очевидному, к нашему наивному опыту социального мира. Даже те типификации и символизации, с помощью которых мы различаем определенные страты нашего социального мира, конструируем и интерпретируем его содержание, определяем цели и порядок наших действий в нем и учитываем его воздействия на нас, весь этот ментальный инструментарий уже преддан нам как переживаемый без вопросов [*unquestionably given*] именно в силу тех социально детерминированных схем интерпретации и выражения, которые превалируют в группе, куда мы входим, и которые мы привыкли называть «культурой» нашей социальной группы. Она, эта «культура», также является частью нашего жизненного мира — наряду со всем прочим, о чем шла речь выше. Она учитывается нами при определении того, что именно в данной культуре принимается как очевидное, что может быть поставлено под вопрос и что заслуживает такого сомнения, а также при разграничении тех горизонтов, которые должны быть эксплицированы, т.е. тех условий, при которых возникающая проблема может рассматриваться по отношению к целям социальной жизни как решенная.

Все это выглядит так, что знания каждого индивида только в очень небольшой степени обусловлены его личным опытом. Подавляющим объемом своего знания субъект обязан социуму. Знания становятся достоянием человека в результате долгого процесса обучения и воспитания, осуществленного родителями, учителями, учителями наших учителей; в результате вовлечения в отношения с партнерами, современниками и предшественниками. Знания транслируются в различных формах. Это могут быть акты непосредственного усмотрения [*insights*], убеждений (более или менее обоснованных или же слепо принимаемых на веру), максим, инструкций, рецептов решений типических проблем и т.п. Все это необходимо для достижения типических результатов путем типического приложения типических средств.

Все социально приобретенное знание рассматривается членом данной культурной общности как очевидное, т.к. оно перешло к нему как бесспорно принятое данной группой. Таким образом, знание превращается в элемент социальной жизни, и в данном качестве все формы знания становятся одновременно и общей схемой интерпретации мира, и средствами достижения взаимного согласия и понимания. Данное положение ведет нас к следующему шагу, а именно — к исследованию вопроса структурирования всего знания о нашем жизненном мире в его многообразных проявлениях. Как заметил в свое время У. Джеймс, в наивной установке нашего каждодневного бытия упомянутые составляющие знания соответствуют пространственно-временной и социально-культурной структурированности мира, частично совпадая с ней, частично отличаясь от нее.

Джеймс провел фундаментальное разграничение между «знанием-знакомством» и «знанием-о». «Знание-о» относится к тому сравнительно небольшому участку мира, о котором каждый из нас имеет законченное, ясное, отчетливое и устойчивое знание, не только по отношению к «что» и «как», но также и в отношении к «почему», особенно там, где данный субъект является «компетентным экспертом». «Знание-знакомство» относится только к «что» и оставляет «как» незатронутым. Что случается, когда мы даем покрутить диск телефонного аппарата человеку, не знакомому с телефоном? Это непостижимо для него и даже «как бы нематериально», ему достаточно, что тот, с кем он хочет говорить, отвечает ему «из трубки».

Мы предполагаем, что все окружающие нас инструменты, способы действия, рецепты, максимы нашего практического поведения останутся, при нормальном ходе вещей, такими же и в будущем. Но этого не произойдет без знания «почему это так» и осознания того, на чем базируется

эта наша уверенность. Зоны действия «знания-о» и «знания-знакомства» окружены со всех сторон областями простого знания-верования. Оно же в свою очередь обладает рядом качественных градуальных характеристик, таких, как «обоснованность», «убедительность», «вероятность», «упование на авторитет», «слепое следование образцам» и так далее, вплоть до «полного неведения». Среди всех этих сфер знания только «знание-о» осуществляется в соответствии с требованиями ясности, детерминизма и логики. Все другие сферы знания, несмотря на их внутренние противоречия и несовместимости, которые на эти сферы существенно воздействуют, принадлежат царству того, что не ставится под вопрос (*unbefragt*), следовательно, «принимается как очевидное» до тех пор, по крайней мере, пока это знание достаточно для ориентировки в нашем жизненном мире. Отметим также, что эти формы нашего знания о жизненном мире, которые мы обрисовали здесь весьма приблизительно, реально выступают как весьма дифференцированные, и что они постоянно меняются, флуктуируют: в сознании самого индивида, в отношении индивида к индивиду, в отношении индивида к социальной группе, в мышлении самой группы и, наконец, в отношениях между группами. Следовательно, объем того, что, с одной стороны, известно, значимо, понятно, и того, с другой стороны, что неизвестно, относителен; для индивида он соотнесен с его биографической ситуацией, для группы — с ее исторической ситуацией. Следующей фундаментальной категорией социальной жизни является неравномерность распределения знания в его различных формах среди индивидов, принадлежащих к данной группе, и среди самих таких групп. Эта фундаментальная категория должна бы стать центральной темой такой социологии, которая хорошо понимает свои истинные задачи.

Так что же определяет дифференциацию знания? Ответ на этот вопрос непосредственно ведет к проблеме релевантности.

Знание, которое в некоторый определенный момент жизни находится в распоряжении индивида, назовем «объемом знаний» [*stock of knowledge*], а его градации, понимаемые в указанном смысле, — градациями известности (знакомства). Если мы кратко проанализируем, как индивид переживает все это, то обнаружим в качестве субъективных коррелятов различных форм знания соответствующие зоны интересов, выступающих для субъекта в качестве мотивов. Человек воспринимает, мыслит и действует в некотором мире, который он, будучи спонтанным существом, находит преданным. Лейбниц правильно определил спонтанность как способность двигаться от одной апперцепции к другой, новой. Если, тем не менее, человек руководствуется наивной установкой, то природный,

культурный и социальный мир не дан ему во всей полноте, не дан ему так, чтобы он мог найти в нем свой путь, овладеть им с помощью действия и мысли. Та артикуляция мира, которую мы обрисовали выше, предполагает, что человек постоянно испытывает необходимость определить свою ситуацию. Более тщательный анализ показывает, что сама идея ситуации, подлежащей определению, заключает в себе два принципиальных момента. Первый из них вытекает из онтологической структуры этого преднаходимого нами мира. Чтобы приготовить стакан сладкой воды, замечает Бергсон, я должен ждать, пока сахар растворится. Другой компонент, с помощью которого возможно определить элементы ситуации путем выведения их из онтологически предданной структуры мира, базируется на актуальном биографическом статусе субъекта, включающем в себя знания данного субъекта в их конкретной артикуляции. То, что относится к первому, т.е. онтологическому компоненту ситуации, переживается субъектом как нечто навязанное ему извне, наложенное на все возможности свободных манифестаций его спонтанности. Биографический же момент формирует спонтанное определение ситуации в границах ранее наложенных онтологических рамок [*imposed ontological framework*].

Для воспринимающего и мыслящего сознания индивида элементы, выделенные из предданной структуры мира, всегда предполагают смысловые связи, диктуемые потребностями в ориентации в мире и овладении мыслью и деятельностью. Причинные связи в объективном мире переживаются субъектом как средства и цели, как препятствие и помощь для спонтанной активности мысли или действия. Они проявляют себя в качестве комплексов интересов, объединения проблем, в качестве систем проектов, а также некоторых вполне осуществимых моментов в составе этих проектов. Система этих комплексов, которые соединены друг с другом множеством связей, субъективно переживается индивидом как система его планов на конкретный день и час, для работы и отдыха; все эти частные планы интегрированы в высшую систему, которая, не будучи свободна от противоречий, включает в себя и все остальные планы. Эту высшую систему мы будем называть «жизненным планом». Следует подчеркнуть, что мы используем слово «план» в расширенном смысле, не обязательно включающем в себя момент преднамеренности (*Absichtlichkeit*). Бывают и такие планы, которые навязываются извне.

Таким образом, жизненный план детерминирует частные планы, которые в свою очередь определяют текущие интересы. Интерес, который превалирует в настоящий момент, предопределяет, какие элементы будут выделены индивидуумом в окружающем его объективном мире (артику-

ляция которого была описана нами выше). В силу этого самого интереса из имеющегося запаса знаний выделяются именно те, которые требуются для осмысления ситуации. Другими словами, именно интерес определяет в равной мере, какие из элементов онтологической структуры предданного нам мира и актуального запаса знаний будут релевантными для субъекта в его усилиях справиться с ситуацией в сферах мышления, эмоций и действия, найти свое место в ней и как-то овладеть ею. Эта форма релевантности получает у нас название «*мотивационной релевантности*», поскольку субъективно она переживается как мотивация для осмысления ситуации и овладения ею.

Мотивационная релевантность может переживаться либо как навязанная извне, либо как манифестация внутренней спонтанности личности — в диапазоне от неясного побуждения до рационального проекта. Она может быть дана нам с разной степенью очевидности, либо она может быть бессознательной в духе лейбницевских «*petites perceptions*», или даже в смысле современной глубинной психологии. Степень ясности непосредственного усмотрения, с помощью которого, собственно, и происходит понимание мотивационной релевантности, зависит от структуры актуального объема знаний, из которого выбираются элементы, нужные для того, чтобы овладеть ситуацией.

Актуальный объем знания есть не что иное, как результат всего нашего предыдущего опыта овладения ситуациями нашей жизни, который помогает соотнести нас теперешних с нашим собственным миром в предшествующих ситуациях, потенциальном или актуальном поле действия, современниками или предшественниками. В свете нашего предшествующего знания, ситуация, с которой мы имеем дело, может быть осмыслена как типическая, схожая с теми ситуациями, с которыми мы имели дело раньше, как вариация уже имевшего место, либо как абсолютно новая, и все это представляет собой то, что Гуссерль называл синтезом узнавания — во всех его разновидностях. Соотнесение определенной ситуации с нашим запасом знаний может затрагивать элементы «знания-о», «знания-знакомства» и «всего лишь верований» [*mere belief*], да и просто незнания. Если находящееся в нашем распоряжении знание достаточно для того, чтобы справиться с определенной ситуацией в той мере, в какой в данном случае задействована мотивационная релевантность, то этой ситуацией мы овладеваем в «порядке самоочевидности». Таковы все наши привычные действия и поступки. Однако может случиться так, что не все находящиеся в нашем распоряжении и достаточно нам известные мотивационные релевантные элементы вполне адекватны данному случаю или сама ситуация такова, что не может быть соотнесена с помощью

синтеза узнавания с имевшимися ранее в нашем опыте типичными ситуациями, потому что она радикально нова для нас. В этом случае возникает необходимость увеличить наше «знание-о» по отношению к этим элементам: либо мы должны приобрести новое знание, либо простое наличное знание [*knowledge at hand*] должно обрести более высокую степень очевидности. Элемент такого рода, в свою очередь, становится релевантным для дальнейшего усвоения знания и тем самым для овладения ситуацией. Такая релевантность, покоящаяся на мотивационной релевантности, тем не менее, тотально отличается от первой. Теперь релевантный элемент уже не переживается как самоочевидный, напротив, он поставлен под сомнение, более того, его как раз и стоит поставить под вопрос, и именно в силу этого обстоятельства он приобретает релевантность. Этот вид релевантности мы будем называть «тематической релевантностью», поскольку релевантный элемент теперь превращается в тему для нашего сознания — процесс, который в традиционной психологии обычно рассматривался под названием «внимания». То, что делает тему именно темой, детерминировано мотивационно релевантными интересами и проблемными областями. Тема, которая таким образом обрела релевантность, стала в силу этого и некой проблемой, требующей практического, теоретического или эмоционального решения. Теперь мы обращаемся к тематически релевантной проблеме, которая, будучи первично мотивирована некоторыми внутренними проблемами, планами, интересами, тем не менее может отрываться от них после того, как она окончательно конституировалась в качестве тематически релевантной. Теперь она становится достойной исследования сама по себе. Но все же наш способ описания недостаточно точен.

Мотивационно релевантные контексты продолжают оставаться внешними горизонтами того, что стало тематически релевантным: снова и снова мы можем обращаться к ним, исследовать их, и мы, в самом деле, поступаем так, чтобы выявить ту точку, в которой мы должны прекратить дальнейшее исследование, поскольку наше знание этой темы стало достаточно ясным, и проблема может считаться решенной с точки зрения окружающего ее контекста. Целостность всей мотивационно релевантной ситуации предопределяет тот момент, когда наше «любопытство» в отношении исследования тематической релевантности может считаться удовлетворенным; в другом отношении целостность ситуации всего лишь формирует фон для актуально релевантной темы. Только сама тема образует фокус нашего интереса: проблема, заключенная в ней, должна быть решена, прежде чем мы обратимся к другим видам релевантности. В обыденной речи мы говорили «наиболее важное — вначале» [*first things*]

first], давая тем самым на обыденном языке превосходную характеристику тематически релевантного.

Тематически релевантное есть проблема, и в этом качестве она достойна исследования, одновременно являясь (в силу мотивационной релевантности) доступной исследованию. Она приглашает нас проникнуть в ее внутренний и внешний горизонт, включить ее в синтез узнавания, подвести ее под содержание нашего запаса знаний, но прежде всего вскрыть ее принадлежность к преконституированным, т.е. к типически известным феноменам мира. Здесь всплывает целый ряд важных связей с другими областями феноменологического исследования, на которых мы не можем сейчас останавливаться подробнее. Тем не менее, мы хотели бы кратко остановиться на трех таких сферах.

1. Уже Гуссерль показал, что с самого начала допредикативный опыт жизненного мира фундаментально артикулирован с помощью типики жизненного мира. Мир дан нам не как собрание чувственных данных, не как агрегация индивидуальных и неповторимых вещей, изолированных от других таких же и не связанных никак с ними; мы видим не цветные пятна и контуры, а горы, деревья, животных, и не просто животных, а конкретных птиц, рыб, собак, и т.д. Но в опубликованных работах Гуссерля не учтено следующее: типификация происходит в соответствии со структурами релевантности. На уровне допредикативной типификации я могу воспринимать мою собаку Фидо в ее типичном поведении как здоровую или больную, как определенную индивидуальность, как немецкую овчарку, как собаку вообще, как млекопитающее, живое существо, как предмет внешнего мира, как «нечто». Какую именно типическую структуру я выберу, зависит от тематической релевантности, которой обладает этот объект для меня. Контексты подобного рода возникают в сфере предикативного суждения, по крайней мере, в повседневном мышлении. Каждое суждение типа «S есть P» является с необходимостью эллиптическим, поскольку S никогда не есть только P, но одновременно и Q, R, S, T, а, в конечном счете, также и P. В тот самый момент моей жизни, когда я произношу суждение «S есть P», существование S в качестве P тематически релевантно для меня, поскольку это конституируется мотивационными релевантностями, которые обобщенно могут быть в сокращенной форме обозначены выражением «в рассматриваемый момент моей жизни».

2. Каким образом в трансцендентной субъективности (после осуществления феноменологической редукции) организованы отношения между темой, горизонтом и внешним полем, как они обуславливают друг друга и как они перемещаются относительно друг друга, — все это было блестяще проанализировано в книге А. Гурвича «Поле сознания» [1]. Хотя Гур-

вич полагает, что его употребление термина «релевантность» отлично от моего, я полностью поддерживаю его анализ. Мне кажется, что его трактовка «релевантности» представляет собой особый случай моего представления о «тематической релевантности». Причем моя трактовка — более широкая, поскольку она включает в себя феноменологию жизненного мира, с которой человек, руководствующийся естественной установкой, должен так или иначе справиться не только в сфере мышления, но и в сфере действия и эмоций, в то время как анализ Гурвича направлен только на трансцендентное сознание в том его виде, когда мир уже «взят в скобки».

3. Далее Гуссерль установил важное различие между открытыми и проблематическими возможностями. После того как тематически релевантное превратилось в проблему, оно может рассматриваться как в рамках общего исследования онтологически предшествующих сфер несовместимости, так и в отношении к альтернативам, между которыми необходимо сделать выбор, т.е., говоря языком Гуссерля, как проблематическая возможность. В последнем случае выбор может быть сделан из конечного и сравнительно малого числа возможных решений, каждое из которых обладает собственной значимостью. Тематически релевантная проблема может быть решена после того, как будет определено, под какую из имеющихся в наличии альтернатив она может быть подведена; этот процесс в свою очередь определяется более широкой системой мотивационной релевантности.

При всех обстоятельствах решение тематически релевантной проблемы включает в себя соотнесение с актуально наличествующим запасом знаний, градуированным по степени известности, понятности, веры (как это было описано выше). Не все элементы знания в одинаковой степени релевантны для решения проблем, заключенных в теме. Большая часть предзнания не имеет отношения к теме, тем самым она несущественна для ее бытия, как она нами понимается и исследуется. Очевидно, что в данном контексте термин «релевантный» используется в новом смысле (третьем по счету), который мы обозначим как *«интерпретационную релевантность»*.

В ассоцианистской психологии комплексный механизм интерпретационной релевантности и ее отношение к мотивационной и тематической релевантности принимается как данное, и на этой неясной основе устанавливаются хорошо известные принципы пространственной и темпоральной смежности, сходства и различия. Однако остается неясно, как возникает ассоциированная комбинация приобретенного знания с тем, что тематически релевантно. Здесь может помочь понимание выше очер-

ченных структур нашего знания в связи со степенью их знакомства [*degrees of familiarity*]. Если мы в первую очередь спросим себя, как возникла структурированность, мы должны отметить что предзнание состоит из материала, который ранее обладал тематической релевантностью, и теперь этот материал дан нам не как тема, но как горизонт, более того, он нам дан в форме привычного обладания. Трансформация тематически-проблематического в то, чем мы потом будем обладать как переживаемым без вопросов, генетически связана с мотивационными релевантностями, обусловленными факторами биографии и ситуации, теми самыми мотивационными релевантностями, которые и определяют условия, при которых проблема считается решенной, т.е. той границей, за пределами которой дальнейшие исследования становятся тематически иррелевантными, т.к. приобретенное к этому моменту знание достаточно для определения ранее выделенной тематической ситуации. Как мы кратко показали выше, наше знание жизненного мира, переживается ли оно на допредикативном уровне или же может быть сформулировано в предикативной форме, являет собой знание *o типике* объектов или событий в жизненном мире. Типичность же в свою очередь детерминирована потребностями предыдущей тематической ситуации, которые могут быть описаны в терминах настоящего требования решить проблему. Эти же потребности определяют степень известности элементов знания, которые после осуществленного решения были преобразованы в привычный репертуар. Приобретенное знание о типике жизненного мира обладает своим собственным стилем на каждой ступени известности. Всякая типизация связана с определенной проблемой: нет «типики вообще», а есть типика, которая несет на себе знак, указывающий на вполне определенную проблему. Если в синтезе узнавания актуально релевантная тема совпадает как известная, с типом, который принадлежит к некому объему опыта, данному в горизонтной перспективе, и обнаруживает ту же степень знакомости, тогда этот ранее известный нам тип становится интерпретационно релевантным по отношению к актуальной теме. Тогда мы говорим, имея в виду эту тему, что в нашем предыдущем опыте уже было «нечто в этом роде», либо мы слышали об этом, или же мы так или иначе знаем, о чем идет речь. Далее мы говорим, что есть основания предполагать, верить, считать вероятным или возможным, что та ситуация, с которой мы имеем дело, обладает типическим сходством с той, с которой мы имели дело ранее. Может быть, она и *атипична* в том или ином отношении, но в целом она обладает типическим стилем. Термин «атипический» двусмыслен: он может означать, что *атипическое* состояние, как оно переживается в данной ситуации, несовместимо с типификациями, ра-

нее имевшими место в тех ситуациях, с которыми мы сравниваем актуальную ситуацию, либо же оно может быть совместимо с такими ситуациями, когда новое или старое будет поднято до более высокого уровня известности, либо, наконец, то, что стало тематически релевантным, обнаруживает абсолютно новые черты, которые не могут быть совмещены ни с какими элементами ранее приобретенного знания.

Если элементы горизонтно организованного опыта, обладающие интерпретационной релевантностью, могли быть использованы для решения тематизированных проблем, это значит, что они представляют собой знание, ранее уже организованное на нескольких уровнях известности и в соответствии с различными уровнями типификации, знание, проистекающее из факта, что материал, ранее тематически релевантный, превратился в знание, принимаемое без вопросов. В силу этой предварительной упорядоченности элементы, которые были интерпретационно релевантны на некотором отрезке времени, находятся по отношению друг к другу в определенной смысловой связи, детерминированной как биографически, так и онтологически, и берущей свой исток в мотивационных релевантностях, которые в конечном счете все те же самые элементы, от которых берут свой исток тематически релевантные связи. Как раз этот общий исток объясняет загадочную возможность «эффективного совпадения синтеза узнания». Можно предположить, что дальнейший анализ в этом ключе прольет свет на секрет ассоциаций. Возможно, Кант имел в виду нечто подобное, когда в первом издании «Критики чистого разума» провел тройное различие: аппрегензии в интуиции, репродукции в воображении и воспоминания в понятии. Во втором же издании «Критики» эта трихотомия была объединена им в синтезе апперцепции.

«Осуществление совпадения» между актуально-тематическим и горизонтно данным элементами нашего запаса знания, в силу которого они становятся интерпретационно релевантными, ни в коем случае не следует рассматривать как пассивный (пусть частично) процесс. В значительной степени умение выбирать материал, который в каждый данный момент является интерпретационно релевантным, есть результат научения. Уже в детстве мы научаемся выделять то, на что нам следует обращать внимание и что нам следует как-то соединять, чтобы понять мир и наше место в нем. Умение выбирать и применять интерпретационно релевантный материал, даже если оно однажды было усвоено и превратилось в нечто привычное, продолжает тем не менее оставаться биографически, культурно и социально обусловленным. Тот же самый жизненный мир может быть проинтерпретирован магически – человеком традиционного общества, теологически – миссионером; научно – представителем ес-

тественных наук. Можно показать, в какой степени система интерпретационных релевантностей зависит от структуриации мира по зонам доступности и по различным измерениям социального опыта. Систематическое исследование этого обширного опыта все еще отсутствует. Мы пока не имеем того высокого искусства, о необходимости которого писал Лейбниц, и которое научило бы нас пользоваться тем, что мы уже знаем (*l'art de s'aviser de cequ'on sait*).

То, что было сказано выше, требует некоторых важных дополнений, чтобы избежать возможного непонимания. Отношения между типификацией и интерпретационной релевантностью нуждаются в дальнейшем прояснении. То, что мы обнаруживаем в нашем запасе знаний в качестве типизированного опыта есть не что иное, как материал, который был ранее превращен с помощью проверенного и верифицированного предзнания тематически релевантных проблем в нечто переживаемое без вопросов. Этот процесс приобретения знания привел к систематизации объема знания, структурированного в соответствии с типами и степенями известности. Можно даже сказать, что после того, как тематизированная проблема оказалась решенной, типификация, связанная с ней и уже содержащаяся в знании, образует демаркационную линию между теми горизонтами тематизированной ранее проблемы, которые подверглись экспликации, и теми, которые остались неэксплицированными. Но и это изложение не представляется нам достаточно точным, поскольку не дается никакого объяснения тому факту, что ни одна задача не дана нам изолированно: все проблемы связаны друг с другом, все тематические релевантности образуют систему, поскольку все мотивационные релевантности даны в субъективном опыте в качестве системы планов, подчиненных жизненному плану соответствующих индивидов. Поскольку эти системы мотивационной релевантности детерминируют не только системы тематической релевантности, но и соответствующие интерпретационные релевантности, последние следует рассматривать в систематическом контексте, и то же самое справедливо для типификаций, возникающих в этой связи, и для соответствующих степеней известности нашего знания.

Все эти вопросы вполне очевидно связаны с происхождением нашего объема знаний и с его специфической индивидуальной структурой. В каждый момент нашей жизни объем знаний со всеми его стратификациями актуально существует, и мы имеем к нему постоянный доступ — разумеемся, с определенными ограничениями. В этом качестве он представляет собой в каждый данный момент элемент биографической ситуации. Он образует само собой разумеющийся фон и базис для взаимодействия

с окружающими нас мирами: природой, культурой и обществом. Этот мир как целое в принципе темен для нас, не понят и не понимаем. С помощью систем релевантности и их структур смысловые связи, которые до определенной степени можно сделать прозрачными, устанавливаются между отдельными элементами мира. Для жизни это означает, что появляется возможность видеть проблемы, даже если их нельзя трансформировать в нечто само собой подразумевающееся. Здесь берут свое начало апоритические категории неизвестного, но доступного познанию или того, что известно в качестве непознаваемого. Первое ведет к возможностям заполнения пустых мест в нашем запасе знаний, второе – к различным областям реальности, накладывающимся на жизненный мир и с помощью символов соотносимым с этим жизненным миром и интерпретируемым внутри него. Дальнейшие необходимые дополнения к тому, что было сказано ранее, касаются мотивационных, тематических и интерпретационных релевантностей. Пока человек, руководствующийся естественной установкой, познает свой жизненный мир и нерелефлексивно обращается к нему в своих действиях, мыслях и чувствах, подразделение на разные системы релевантности вообще не проникает в его сознание. Гуссерль выразил это так: человек живет в своих действиях, направленных на предметы и явления, и тем самым он в какой-то степени владеет этими релевантностями. Он живет не только в своих актах, направленных на предметы, но и в соответствующих релевантностях, с помощью которых он отличает переживаемое без вопросов от того, что вызывает вопросы. Требуется рефлексивный поворот, чтобы увидеть сами эти релевантности и их деление в зависимости от различных систематических связей. Осуществление этого поворота отнюдь не предполагает незаинтересованного наблюдателя, не говоря уже об ученом или философе. Каждый шаг в границах жизненного мира конфронтирует человека с серией тематических релевантностей генетической природы, которые должны быть рассмотрены с точки зрения их мотивационной ценности для жизненного плана. Теория, которая призвана объяснить феномен проективной деятельности и принятия решений в рамках жизненного мира, требует анализа систем релевантности, лежащих в основе всего этого. Без такой теории невозможна никакая наука о человеческой деятельности. Теория релевантностей тем самым фундаментально важна для теоретического обоснования социальных наук.

Она существенна и в других еще более важных отношениях. Во-первых, задачей социальных наук является исследование того, в каких пределах различимые системы релевантности (мотивационные, тематические и особенно – интерпретационные) социально и культурно детерми-

нированы. Уже сами типификации приобретенного значения, то есть условия, при которых проблемы могут рассматриваться в качестве удовлетворительно решенных, и горизонты – в качестве удовлетворительно эксплицированных, являются в определенном смысле социокультурно детерминированными. Не только вокабуляр, но и синтаксическая структура обыденного разговорного языка, «внутренняя форма языка» (*Innere Sprachform*), по Вильгельму фон Гумбольдту, содержит систему типизаций, а следовательно, интерпретационных релевантностей, которые уже в силу общности языка рассматриваются как проверенные и верифицированные, принимаемые без вопросов, одобряемые и действительные до тех пор, пока не будет доказано обратное. В процессе воспитания и обучения это знание передается новым членам общества. То же самое относится к иным различным средствам, которые используются в каждой культуре для целей ориентации в жизненном мире и овладении им. К ним относятся орудия, процедуры, социальные институты, привычки, обычаи, символические системы. Всякое знание, касающееся этих средств, детерминирует мотивационные, тематические и интерпретационные релевантности, помещаемые индивидуальным членом группы в его депо знаний в качестве фона того, что переживается и создается как само собой разумеющееся. Во-вторых, всякая коммуникация с другими людьми в жизненном мире предполагает похожие структуры по крайней мере в тематических и интерпретационных релеванностях. Эти аналогичные структуры будут занимать привилегированное положение в рамках социального мира, включая в себя других людей, с которыми приходится общаться лицом к лицу в силу того, что сектор пространственного жизненного мира, общий для всех партнеров, необходимым образом делает некоторые элементы одинаково тематически релевантными для обоих партнеров, а также потому, что телесная организация партнеров со своим полем физиогномического выражения, со своими жестами, действиями и реакциями открывает такое интерпретационно релевантное поле, которое при иных обстоятельствах было бы недоступно в том же объеме. Задачей философической социологии является изучение тех модификаций, которым эти общие или схожие системы релевантностей, присущие партнерам в межперсональной коммуникации, подвергаются в процессе интерпретации мира предшественников и предвосхищения мира наших последователей и потомков. Именно для такой философской социологии феноменологический анализ структур жизненного мира и обеспечивает необходимые предпосылки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gurwitsch A. The Field of Consciousness. Pittsburgh, 1964.

Примечания

1. Выражения, заключенные в круглых скобках, даны в самом оригинале текста. Выражения в квадратных скобках введены переводчиками для уточнения смысла переводимых слов.

2. Немецкое выражение, приводимое переводчиком этой работы Шютца на английский язык А. Гурвичем, «explodieren» — гораздо более экспрессивно и буквально означает «взорваться». — *Примеч. пер.*